

О поэзии современного татарского поэта Рамиса Аймета

Поэзия известного татарского поэта Рамиса Аймета пользуется заслуженной популярностью, мелодичность звучания его стихов подтверждают многочисленные песни, созданные на его стихотворения. Следует отметить широкий тематический диапазон его творчества: оно включает в себя и глубоко лирическую интимную лирику, стихи, посвященные матери, философскую, гражданскую поэзию, размышления о судьбах татарской нации и роли современного татарского поэта и поэзии в современном обществе. В данной статье художественный мир Рамиса Аймета рассмотрим на примере сборника переводов стихотворений татарского поэта на русский язык, сделанные поэтами Николаем Переясловым и Сергеем Малышевым, — «Свобода в неволе» (2016) [1].

Поэзия Рамиса Аймета отличается философской глубиной. В своих стихотворениях татарский поэт размышляет о смысле жизни, о смерти, о бессмертии души. Экзистенциальные проблемы бытия преодолеваются бесконечной верой поэта в доброе и светлое начало в человеке и во всеобщую гармонию во Вселенной («Пора», «Во мне поют мгновенья», «В поисках улыбки», «Автопортрет»,

«В дождь», «Проходит все...», «В предчувствии рожденья», «Настроение», «Праздник первых луж», «Сошел я наземь», «Качество души», «Судный день», «Я здесь», «В поисках смысла», «свобода», «Белый корабль», «Молитва к сердцу», «Без меня», «Последний праздник сирени», «Одиночество»). Обыденность жизни, ее тревожения лирическому герою помогают преодолеть традиционные для татарской и восточной поэзии образы, по-новому переосмысленные им. Так, в стихотворении «Пора!» (перевод Н. Переяслова) возникает образ звездного пути. Строчки стихотворения звучат афористически лаконично и точно: «Душе и сердцу вреден серый свет, / в нем — антипраздник, в нем — унынья жуть! / Коль парус поднят — в нем надежды свет. / А встретишь ад иль рай — не в этом суть» [1, с. 23]. Серости, обыденности, даже аду противостоит движение к звездам, к свету. Традиционные образы корабля, поднятых парусов, океана, чаек как верных спутников морских путешествий в начале стихотворения сменяются в финале образом звездного пути: «Безверья мглу разрезав, как туман, / скорей к звезде далекой, что, светясь, / велит нестись сквозь ночь и океан, / с постылым прошлым обрывая связь» [1, с. 23]. Дорога, Путь — лучшее решение всех проблем: «Что б ни случилось — отдавай концы. / Немедля, в путь! / Сегодня же! Сейчас!» [1, с. 23]. Лирический герой выбирает мечту (русалку как воплощение мечты, светлые мысли и «лучи на спинке рыбки золотой»).

Светлое, солнечное, весеннее мироощущение поэта позволяет ему преодолеть все невзгоды, любить и славить каждое мгновение жизни. В стихотворении с символичным названием «Во мне поют мгновения» (перевод Н. Переяслова) лирический герой светом души растапливает темноту зимы: «Устав среди подземной темноты / ждать, пока мир после зимы проснется. // Я сам — весенний! Руки распахну — / и в грудь ворвутся радостные песни / ручьев, что славят гимнами весну, / и мое сердце, / как цветок, воскреснет» [1, с. 25].

Весеннее ликование природы передается в этом стихотворении через развернутые сравнения и метафоры: «Земля ликует! / Будто бы в руках / сжимает птицу счастья дорожую. / Душа природы вьется в облаках, / чтобы дождем упасть в траву тугую. // Земля лежит, как женщина в соку, / открыв спокойно ласкам ветра груди. / Мои мечты летят на всем скаку / туда, где гром поля от спячки будит. // туда, где, жизни радуясь, цветы / сердца и души подставляют солнцу...» [1, с. 25].

Лирический герой Рамиса Аймета — утонченная личность, противопоставляющая обыденности жизни свою жизнеутверждающую гуманистическую позицию. В стихотворении «В поисках улыбки» (перевод Н. Переяслова) лирический герой в «жизненном котле», в

житейской суете, в которой преобладает «зимняя стужа» в душах и сердцах, где все продается и покупается, жизнь превращена в жестокую игру, нет искренности, лирический герой безуспешно ищет, хотя бы одну искреннюю улыбку: «Ищу улыбку искреннюю я, / что ярче солнца и ночной звезды, / что, как звучанье звонкого ручья, / мир наполняет свежестью воды» [1, с. 30]. Современная жизнь мало дает поводов для оптимизма: «Как бедный нищий на углу стою: // — Ну хоть клочок улыбки... кто подаст? / Варюсь в кипящем жизненном котле, / устали души Книгу бед листать. / Но, кроме жестких складок на челе, / должна ж улыбка на губах блистать?» [1, с. 31]. Лирический герой тщетно пытается найти в настоящем искренние проявления души, вместо этого с горечью констатирует: «Играем — в Жизнь! И Жизнь равна — Игре. / И лица-маски кривятся в углах» [1, с. 31]. Однако финал стихотворения оптимистичен, он освещен беззаветной верой поэта в силу добра и света, которые олицетворяют символические образы: «солнце» и «рассвет»: «Но верю я: лишь солнце заблестит — / и улыбнется / мне в окно рассвет!» [1, с. 31].

В поэзии Рамиса Аймета образы природы, сохраняя свое прямое значение приобретают и глубокое философское звучание. С одной стороны, поэт использует традиционные для татарской и мировой поэзии образы (сад, солнце, свет, рассвет, очистительный дождь, ливень, бабочка и др.), с другой, вводит по-новому осмысленные (улыбка, например).

Поэзия Рамиса Аймета привлекает своей причастностью ко всему сущему, готовностью принять мир с Добром и Злом, со всеми противоречиями, масштабностью, космизмом восприятия времени и пространства. Наиболее ярко это проявляется в стихотворении «Автопортрет» (перевод Н. Переяслова), в котором лирический герой — alter ego поэта — соотносит себя «Я» со всем сущим на Земле и в Космосе, в единстве прошлого, настоящего и будущего. И хотя мы помним традицию, восходящую к поэзии Г.Р. Державина («Бог»), В.Я. Брюсова («Я», «Памятник»), где лирический герой — поэт вбирает в себя весь мир со всеми противоречиями: «Мой дух не изнемог во мгле противоречий, / Не обессилел ум в цепленьях роковых. / Я все мечты люблю, мне дороги все речи, / И всем богам я посвящаю стих» (В. Брюсов «Я»). Рамис Аймет мысль о причастности Поэта ко всему сущему во всем его многообразии и противоречивости передает через свои индивидуальные образы, находя свои ассоциации: «Я луч Луны, оборванный как нить. / Я песня, что молчит, не зазвучав. / Я свет звезды, что не начав светить, / погасла, как без фитиля свеча»;

«Я свет костра, что двести лет назад / горел в степи, сияя, как маяк, / для пастухов, с отарами ягнят, / бредущих через непроглядный мрак»; «Я цвет весны, что средь январских выюг / включила птичий радостный напев. / Я эхо дней, что чуть не сотый круг / вокруг Земли летит, не ослабев. // Я День, в котором притаилась Ночь. / Я звук внутри нетронутой струны. / Я Тишина, что страшной Бури дочь. / Я Ураган / в утробе Тишины» [1, с. 77].

По идейно-художественному содержанию к этому стихотворению близко стихотворение «Акрости» (перевод Н. Переяслова), которое в то же время свидетельствует об экспериментальных поисках поэта в области художественной формы:

Ручьем журчит душа во мне, звеня.
А может, это — льется песнь во мгле?
Мерцающая, светит тайна из меня
И тает теплым отсветом огня,
След в небесах рисуя на крыле.

А если в стебле, где копилась мощь,
Йод вдруг иссякнет, как усопший сок,
Мне вместо сил оставив в сердце — дрожь?
Его собой — в ночи разбудит дождь,
Тебя согрев, как с неба голосок...

[1, с. 138].

Душа лирического героя — поэта находится в гармонии с природой, именно она примеряет его с жестокой действительностью, беспощадность которой остро ощущается в стихотворении «Обреченная бабочка» (перевод Н. Переяслова): «Ну, а она — летает и летает. // Кружит, кружит... / Присядет на сучок / и вновь к цветам спускается в надежде — / не приютят ли?.. / Но в отчет — молчок. / Не просто выжить в этом мире нежным» [1, с. 79].

Пространство стихов Рамиса Аймета распахнуто в мир, в космос, в этом и есть спасение от обыденности и серости. Показательно в этом смысле стихотворение «В дождь» (перевод Н. Переяслова): «Сухих гардин от капель не шадя, / открою окна, глядя в неба свод. / пусть дух пьянящий близкого дождя / в мой дом волной душистою плывет. // Пускай войдет. Я так его люблю! / Без встречи с ливнем — моя жизнь пуста. / Душа была и в злобе, и в хмелю, / а дождь пройдет — и вновь она чиста. // Душа чиста, земля чиста, и мир — / плывет, купаясь в струях дождевых. / И смотрят в окна дети из квартир / на бег ручьев,

/ как будто змей живых» [1, с. 78]. Образ дождя один из любимых образов поэта. Так, в стихотворении «Праздник первых луж» (перевод Н. Переяслова) лирический герой заявляет: «Коль ночь меня вдруг тьмою обернет — / я вновь себя / найду в блестящей луже» [1, с. 114].

Образ возлюбленной в лирике Рамиса Аймета представлен в драматических обстоятельствах расставания («На твой уход», «Твой приход», «Из Геленджикской тетради», «Игра в жмурки», «Мольба», «Разговор с образом лунной девушки по имени Зухра», «Жду покаяния»), и вновь природа, вечные ценности спасают героев своей исконной гармонией. Так, в стихотворении без названия: «...и / наступает утро. / Ты уйдешь / бегущей вдаль росистой тропой. / И пробежит едва заметно дрожь / по лепесткам, разбуженным тобой» (перевод Н. Переяслова) [1, с. 84]. Поэт подбирает образы, сравнения, позволяющих более точно выразить непростые взаимоотношения с возлюбленной: «Последний раз платок в твоей руке / помашет мне и оборвет мечты, / как белый парус в чудном далеке, / что навсегда растаял, как и ты. // Ты — словно солнце, что горит мне днем! / А впрочем, нет... Здесь образы — не те... / Я озеро. / А ты — кувшинка в нем, / что белым солнцем светит на воде. // ...и / наступает утро. / Ветерок / дохнет рекой, что блещет вдалеке. / И солнца луч горящих пару строк / напишет нежно на твоей щеке...» [1, с. 84]. Для лирического героя — поэта любое чувство, особенно любовь вдохновляет на творчество. Например, в финале стихотворения «Твой приход» (перевод Н. Переяслова): «Блеск улыбки твоей — / словно солнце. / ярче тысячи мощных костров... / То ли ты своим сладким дыханьем, / то ли воздуха теплый поток — / ослепили меня, опьянили, / и, отведав рассвета глоток, / я тянусь к тебе сердцем и взглядом / чтоб, как певчая птица, / запеть...» [1, с. 100]. Любовь становится лейтмотивом цикла «Из «Геленджикской тетради» (перевод Н. Переяслова). Любовь непредсказуема и драматична: «Не зная броду, в воду я ступил, / Стоял июнь, теплом лесов дыша. / Я, словно счастье, брызги радуг пил, / и очищалась в них моя душа. // В который раз — прости меня, любовь, / что я затронул давней раны шов...» [1, с. 104]. Но лирический герой с готовностью окунается в любовь: «О как накал страстей твоих высок! / Я бы всю жизнь им отдаваться мог. / Переполняет грудь мою восторг, / я в теле молний пробудился ток. // Как сладко молвить: «Я люблю тебя!» — / всю силу чувств своих дождем излив, / так, что аж скалы рухнут, все губя, / и море вдаль отступит / от земли...» (перевод Н. Переяслова) [1, с. 106].

Любовь, гармония природы спасают лирического героя-поэта от отчаяния: «Куда — идти?... / Про то я не спросил. / Я перекаточной,

чем любая голь. / Мир предо мной все дали расстелил, / а у меня для мира — только боль» («Прощание», перевод Н. Переяслова) [1, с. 91]; «Ищу ответ. И по моей душе / минувших лет проходят караваны. / Мне интересно: кто-нибудь уже / его увидел сквозь веков туманы?..// Идут года. И смотрит сверху вниз / Вселенная, как я в своей Отчизне, / вращая дней скрипучий механизм, / бегу, скользя по циферблату жизни» («В поисках ответа», перевод Н. Переяслова) [1, с. 90]. Мысль, облаченная в стихи, спасет Поэта от обыденности: «Часы пробили — / Мир Рассвета ждет. / Звезда дрожит / Над головой, как в небесах, / Дыханьем, вея, / Время обдает. / ...И пепел моего стиха / В глазах...» («Жду полета», перевод С. Малышева) [1, с. 141]. Поэт осознает свою ответственность за мир, поэтому он облачает свои сокровенные мысли в рифму и ритм: «Ах, ритм, рифма — / Чу. / Терпи. / Мыслям тесно, толпятся гурьбой. / Стих мой, словно сорвавшись с цепи, / От свободы дуреет порой»; «А поэты? / Сердца их поправ, / Норовят каблуками по ним. / Умирают поэты, припав / К окровавленным строкам своим»; «Звон тоскливый.../ Но рифменный ряд. / К кропотливой работе готов. / В мире грязь и чернуха царят, — / Разве время для белых стихов?» (перевод В. Малышева) [1, с. 142].

Литература

1. *Айметов Р.К.* Свобода в неволе: Стихотворения / Рамис Аймет: пер. с татар. Н.В. Переяслова, С.В. Малышева. — Казань: Магариф — Вақыт, 2016. — 183 с.

СОВРЕМЕННАЯ ТАТАРСКАЯ ПОЭЗИЯ В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДОВ ИГОРЯ ЕЛИСЕЕВА

Игорь Александрович Елисеев (1952 года рождения) — известный русский поэт и переводчик, живущий в Ростове-на-Дону, автор множества сборников стихов и поэм («Траектория памяти» (1987), «Преданность» (М., 1990), «Идущий путем заката» (1996), «Славянские руны» (1997), «Поднялся ветер» (2000), «Мыс Рока» (2005), «Меж небом и адом» (2009), «Избранное» (2012) и «Стихи сестре» (2013)) и переводов (переводы стихов югославского поэта «Хитрый Петр», сборника переводов стихов народного поэта Ингушетии Магомета Вышегурова).

Игорь Елисеев — член Союза писателей России и Союза писателей Москвы, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, главный редактор литературно-художественного альманаха «Рукопись», который распространяется в Америке, Европе, Азии, Африке и во многих регионах России.

Переводы Игоря Елисеева получили признание литературной общественности России и зарубежья. Так, например, в 2014 году переводчик был награждён почетным дипломом в связи с празднованием 200-летнего юбилея Бханубхакты Ачарьи и за активное участие в переводе непальских стихотворных форм и издание двуязычного сборника стихов «Мост Сваргадвари», посвященного юбилею поэта. В 2015 году литературная деятельность поэта и переводчика была высоко оценена памятной золотой медалью «200 лет М.Ю. Лермонтову». Кроме того, Игорь Елисеев переводит со многих языков мира, в его арсенале переводы стихов со многих славянских языков (польский, сербский), с английского.

В предлагаемой вниманию читателя подборке представлены стихи известных современных татарских поэтов в переводе Игоря Елисеева: Газинура Муратова, Ахмета Адиля, Джаудата Дарзаманова, Ляиса Зулкарная, Рустема Сультеева и Эльмиры Шарифуллиной.

В поэзии Газинура Муратова переводчика привлекла глубокая лирика, драматизм в проявлении любовных переживаний «Решил тебя я больше не любить», «Что ж не кинулась навстречу...», «Беда», «Вечное сожаление», а также присущая татарскому народу сдержанность во внешнем проявлении чувств в стихотворении «В поезде» о судьбе осиротевшего мальчика. И. Елисеев перевел восходящее к философским обобщениям о судьбе человечества стихотворение Газинура Муратова «Чингачгук», утверждающее вечный путь человека в истории: *«А впереди — / на много тысяч верст —/ бессчетные пути / без путеводных звезд. // Вот кладбище / истории, она / была когда-то / здесь погребена. // ... По прерии / шагает человек / без лука, стрел, коня — / который век!»* Этой же теме посвящена поэма Нура Ахмадиева «Снежный человек», к сожалению, журнальная подборка не позволяет опубликовать всю поэму, поэтому рассмотрим ее ведущие мотивы.

Поэму предваряет цитата из статьи в «Комсомольской правде» от 6 октября 1989 года о том, что в Саратовской области поймали йети. Это сообщение определяет лейтмотив поэмы — тему исторической памяти и судеб человечества: *«Гиганты-стройки лезут напролом, / Их неостановимо наступленье. / Ломали ноги о железный лом / в чащобах даже лоси и олени. // А ты — всегда раздетый и босой. / К чему же людям новая обуза? / И как помочь? Все заняты собой. / Нет у тебя*

профкома, профсоюза». Горькие рассуждения татарского поэта о последствиях технического прогресса *«Решившие засунуть атом в печь, / мы сделали теперь его рабами. / Нас никогда не перестанет жечь / в Чернобыле взметнувшееся пламя...»*, *«Неужто угрожает нам прогресс? / На молоке обжегшись, дуй на воду...»*. Трогательное обращение лирического героя к йети завершает драматические размышления о судьбе человечества: *«Тебя, как брата, йети-джан, любя, / я от людской хочу спасти интриги. / И думаю, как уберечь тебя, / которого нет даже в Красной книге. // Ты сказка, йети. Мы счастливей с ней...»*.

В переводах Игоря Елисеева современная татарская поэзия предстает в широком тематическом и жанровом диапазоне. В поэзии Ахмеда Адила переводчика привлекли стихотворения с гражданской и патриотической тематикой: *«Соотечественники»*, *«Экологические стихи»*, *«Тревога»*, *«Страшный город»*, а также раскрывающие творческий процесс (*«На шоссе, исполненный покоя...»*). Игорь Елисеев перевел и поэму Ахмеда Адила *«Отцовская песня»*, в которой утверждается идея преемственности поколений: *«О ты, мой сын, мой человек родной! / Надежды луч, друг верный, неслучайный! / Наступит день, и станем мы одной / великой неразгаданною тайной. / Дням нашим продолженья в мире нет, / но вечна память, вечны поколенья. В моей душе живет, о сын, твой дед. / Я у него в тяжелые мгновенья / прошу совета. И ко мне с высот, / недостижимых для меня куда, / невидимый, он сходит, и ведет / со мной беседы. Это ли не чудо!»*.

Эта же мыслью пронизаны стихотворения Рустема Сультеева *«Перемена»*, *«Домовой»*, *«Судьба»*, *«Тайна»*: *«Да, жизнь человека коротка... / Случилось что-то с этим миром, бабушка... / И бабочки летят, как облака, / Как облака, летят над нами бабочки...»* (*«Перемена»*).

Современная татарская женская поэзия с ее тонкой лиричностью, задушевностью в переводах И. Елисеева представляет Эльмира Шарифуллина. Лирическая героиня ее поэзии любит и любима, ее душа не терпит фальши, очень ранима. В поэзии Э. Шарифуллиной неизменно присутствует тема детей и детства, которые требуют бережного к себе отношения: *«Не из сказки ли ты появилось, дитя? / Вьется светлый мотив, за тобою летя. / Каждый шаг твой и каждый руки твоей взмах / Вызывают восторг и в душе, и в глазах. / Не из сказки ли ты появилось, дитя?»* (*«Танцующей девушке»*).

В современной татарской литературе активно развивается поэзия, адресованная детям. Игорь Елисеев для переводов выбрал творчество одного из наших самых известных татарских детских поэтов — Джамалы Дарзаманова. В его стихах раскрывается разноцветный мир детства: со своими занятиями полив цветов (*«Наза ходит по саду»*),

рыбалка («Меня поймала рыба»), играми и считалками («Я считаю»), с угощениями («Слова моей бабушки»). Все стихи Д. Дарзаманова, адресованные детям, пронизывает добрый юмор в описании маленьких героев — Низы и Гульназ.

Как видим, переводы Игоря Елисеева охватывают творчество известных татарских поэтов и позволяют увидеть русскому читателю широкий тематический и жанровый диапазон современной татарской поэзии.

ГАЗИНУР МУРАТОВ

В ПОЕЗДЕ

К замерзшим окнам прислонясь
и за столбами следом
вертя головкой, мальчуган
куда-то едет с дедом.

Устал... И все же: «Скоро, дед?»
твердит он по-татарски.
А поезд мчится. Позади
дома остались Арска.

Но мальчик все не отстаёт:
«Скажи, а ждет нас мама?»
— Присядь, сынок. Давай играть.
Представь, что ты — Харламов.

Стучат горошины о стол.
Хоккей — не место драме...
В сиротском поезде судьбы
мальчишка едет к маме.

ТЕБЯ РЕШИЛ Я БОЛЬШЕ НЕ ЛЮБИТЬ

Тебя решил я больше не любить,
Былое ворошить я перестану.
Пусть ласк моих не сможешь ты забыть,
И это будет — соль тебе на раны.

Пусть будет для тебя на рану соль —
Слеза твоя, смочившая мне губы.
По-своему ты любишь? Что ж, изволь,
А мне совсем иное в жизни люблю.

Меня из сердца выкинь — вышел срок,
Я не вернусь, не жди меня, не надо.
Чтоб жить в разлуке, словно Сак и Сок,
Пусть Бог тебе терпенье даст в награду.

Я по тебе тоску прогнать сумел,
Повергнуть в прах кумира был я в силе!
Отходную своей любви я спел,
Кто с ней проститься явится к могиле?

Я знаю, кто на проводы придет,
Я знаю, кто появится с лопатой.
Но я тебя избавил от забот —
Любовь погреб я в сердце без возврата.

* * *

Что ж не кинулась стремглав
К ней, цветы к груди прижав?
Ты же видела, что мимо
Юность шла, тоской гонима.

Босоногой, в платье белом
Шла по городу несмело.
Сбилась, может быть, с пути,
Дом желая твой найти?

Но опять, свернув за угол,
Замечала только туго
Заплетенные в узлы
Судьбы, улицы, углы...

Ей встречавшихся прохожих
Странный вид ее тревожил.
Только дальше был простерт
Путь ее — в аэропорт.

Что ж не кинулась стремглав
К ней, цветы к груди прижав?
Ты же видела, что мимо
Юность шла, тоской гонима.

* * *

В твоих глазах я тайный смысл искал
И в небеса взлетел, охвачен пылом.
— Мой ангел! — я тебя оттуда звал,
Но ангел был давным-давно бескрылым.

Давно уже живешь ты на земле,
Там — осени твои, твоя стихия.
Мои мечты лежат внизу, во мгле...
...На небесах тебя хотел найти я.

БЕДА

Да, под ногами тащится беда,
Цепляясь то и дело за подметки.
Я потерял сознание, когда
Споткнулся
О холодный взгляд красотки.

ВЕЧНОЕ СОЖАЛЕНИЕ

Возлюбленных, о ком жалеть готов,
Не счесть, для них глупец я, может стать.
Испуганный, очнешься вдруг от снов,
Что наяву тебе порою снятся.

О, сколько их, кого недолюбил,
Не целовал, не заключал в объятия.
А ведь когда-то я героем был —
Звезду с небес
Легко бы мог достать я.

О, сколько их, что помахали нам
С крыльца платками, пожелав успеха.
Не вышли в князи мы.

Другим князьям
Достались наши милые в утеху.

Немало на перронах нам вослед
Смотрели, слез своих сдержать не в силах.
Вернуться обещали мы,
Но нет —
Мы навсегда уехали от милых.

О, сколько их живет в чужом краю,
О, сколько их состарилось в девицах!
Другой присвоил милую твою,
И жизнь успела в муку превратиться.

Как много милых в сердце мы храним!
Их имена воспели наши строки.
Пускай принадлежит вся вечность им,
А мы взгрустнем о временах далеких.

Немало их, кого недолюбил,
Не целовал, не заключал в объятия.
А ведь когда-то я героем был —
Звезду с небес
Легко бы мог достать я.

АХМЕТ АДиль

СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ

Кто же виновен — эпоха или мы
в том, что мы стали исчадием тьмы?
Годы суровые кто разбудил?
Кто на распутье нас бросил без сил?

Ложь или правда превыше всего?
Мы или время виновны? В кого
нас превратили — забудешь ли? нет? —
зло и ошибки тех памятных лет?

Кто же?.. Мы в нашей великой стране
горе большое узнали вполне.

В насквозь промерзших бараках страны
с русскими были татары равны.

Лес мы валили, спускались в забой...
Но проносили повсюду с собой
веру — нет чище ее и светлей —
в непобедимое братство людей.

Все мы — под дудку пускавшийся в пляс,
крест целовавший, свершавший намаз,
падавший ниц перед красной звездой,
и разлученный с землею родной, —

равными были в незримости пут —
все мы на шею надели хомут!
Каждому мнилось: великим вождем
он к бесконечному счастью вedom.

О, наши лица увидели б вы!
Были мы — кони хорошие, львы,
вторгшихся всех победили врагов.
Лишь из себя не изгнали рабов.

Кто же виновен? Не знаешь? Пускай.
Только насилию власти не дай,
только в грядущее не пропусти.
Встанем-ка все у него на пути.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ СТИХИ

Солнце скрыл в своих объятых мрак.
В край, где ночь царит, умчался ветер.
Не могу уснуть лишь я никак,
может, я один сейчас на свете.

Кто навстречу выйдет мне во мгле?
Болен кто грядущими веками?
И кого еще на всей Земле
мучает содеянное нами?

Я брожу по улицам... Одной
думой полон я. Вокруг потемки...
Смогут ли по свежести ночной
так же вот бродить мои потомки?

Или в дымной копоти, в лучах
все испепеляющего взрыва
мои внуки обратятся в прах,
как леса, и города, и нивы?

Или будут о простой воде
умолять с протянутой рукою,
на Земле отравленной нигде
для себя не находя покоя?

Современник! О тебе, грустя,
думаю. И у тебя есть дети!
Ночь. Уснуло солнце, как дитя...
Совесть ждет. Мы перед ней в ответе.

ТРЕВОГА

Как океан, когда-то бушевала
моя Отчизна,
а теперь она
подобна крохотному островку
среди бушующего океана...

* * *

По шоссе, исполненный покоя,
свежестью лесов дыша, иду.
Лишь авто проносятся порою,
обдавая гарью на ходу.

Светел мир вокруг меня, и где бы
ни скользил мой восхищенный взгляд,
всюду вижу солнечное небо,
ландышей вдыхаю аромат.

Соснам, елям вслух стихи читаю,
и для рифм листва годна вполне.
И не страшно мне, что гарь густая —
город — вдруг ворвется в душу мне.

СПАСИБО, ЖИЗНЬ

Солнце закатилось — потемнела высь.
Окна, словно чувства светлые, зажглись.
Толпы насекомых над землей взвились.
Жизнь — прекрасный праздник, радость бытия!

Молодежь не может в этот вечер спать.
На поляне танцы в сумерках опять.
Злу не место в душах, всюду — благодать.
Жизнь — прекрасный праздник, радость бытия!

И в ночном ауле — множество забав,
убегают черти от людей стремглав.
Девушки надежды спрятали в рукав.
Жизнь — прекрасный праздник, радость бытия!

Жизнь, тебе спасибо! Довелось и нам
приводить красавиц юных на байрам,
и они внимали сладостным словам.
Жизнь — прекрасный праздник, радость бытия!

И на них гляжу я нынче в стороне.
Ох, попали вожжи в рученьки жене.
Что ж, и ей спасибо! Счастлив я вполне.
Жизнь — прекрасный праздник, радость бытия!

РУСТЕМ СУЛЬТЕЕВ

ПЕРЕМЕНА

«Звезда стремглав упала — прервалась
жизнь человека». Но иначе бабушка,
на бабочек печально засмотрясь,
сказала как-то: «Души мертвых — бабочки».

И каждый раз молилась перед сном:
«Дай, Господи, грехов им отпущение,
прости, Всевышний, если мать с отцом
когда-то совершили прегрешение.

У человека краток век земной.
Как бабочку, его сметет безжалостно,
И если знаешь ты грехи за мной,
прости, Аллах, прости их все, пожалуйста!»

Грехи?! О нет! Чиста, белым-бела
твоя сейчас летит над миром бабочка...
Как много стало их... А ночь пришла —
все чаще звезды падают... Но, бабушка,

не все о них способны боль хранить.
О памяти и говорить-то нечего.
Слова твои хочу я объяснить,
но слушают мальчишки недоверчиво.

Да, жизнь у человека коротка...
Случилось что-то с этим миром, бабушка...
И бабочки летят, как облака.
Как облака, летят над нами бабочки

ТАЙНА

На небе я теперь живу... Но плоть моя иная.
Мой бог всесилен, это он торил от неба путь.
Я в преисподней иль в раю, среди ангелов? Не знаю.
И сколько я уже прожил — не ведаю ничуть.

Я видел множество божеств — и этой страшной тайны,
земляне милые, теперь значенье ясно мне.
И разве сможет кто из вас когда-то, пусть случайно,
проникнуть в эту тайну тайн, понять ее вполне?

Он камень в Демона метнет... от злости иль от страха,
и в тот же миг прольется кровь, багряна и густа...
И камень этот подбрав, тотчас другой с размаху
его в Мухаммеда швырнет, запустит им в Христа.

Все полноводней, все быстрее течет поток кровавый.
Смешались дьявольская кровь и ангельская кровь.
Грешна ли, праведна ль моя душа — не знаю, право.
О небо, напоследок мне свергни лучами вновь.

Те камни, что ведут свой род от сотворенья света,
теперь считают каждый миг под головой моей.
Аллах всемилостивый! Кто, скажи, я? Жду ответа,
едва дышу я, отвечай, прошу тебя, скорей!

На небе я теперь живу... Что за толпа там бродит?
Цветочный ад? Кровавый рай? Я словно бы в бреду.
Открой же тайну мне, Аллах! И эта жизнь проходит,
так, все же, кто я и куда, и почему иду.

ЗЛЬМИРА ШАРИФУЛЛИНА

ТАНЦУЮЩЕЙ ДЕВУШКЕ

Не из сказки ли ты появилось, дитя?
Вьется светлый мотив, за тобою лета.
Каждый шаг твой и каждый руки твоей взмах
Вызывают восторг и в душе, и в глазах.
Не из сказки ли ты появилось, дитя?

Нам приносят движенья твои благодать.
Твои жесты летящему ветру под стать.
О, плясунья, богата воистину ты,
Жеребенком игривым вбегаешь в мечты.

Нить привычек-обычаев нам не прервать.
Много будет таких же, как ты, танцевать.
О, не сглазить бы талии тонкой твоей!
Так танцуй же, пляши, ног своих не жалея,
Нить привычек-обычаев чтоб не прервать.

А МОЖЕТ БЫТЬ

Душу хочу обмануть, обнадежить
И от раздумий освободить.
В том, что все было не так, а иначе,
Хочется душу свою убедить.

Хочется очень по-прежнему верить,
Перетерпеть, никого не винить.
И вероломство назвать по-другому,
Даже самую его суть изменить.

Может быть, это совсем не измена
И не предательство — гнев приглуши.
Может, наслушалась звуков фальшивых,
Что издавали струны души.

Нет, это, видно, была не измена.
Дела бесчестного, может, и нет.
Может быть, это ошибка, и третий
Вовсе не лишний — и в этом секрет.

Хочется душу ввести в заблужденье
И от сомнений освободить.
В том, что все было не так, а иначе,
Хочется душу свою убедить.

КАКИЕ ВОЛНЫ ЗВАЛИ!

Жила я, чувства берегла, не расплескала
И сохранить их все до капельки смогла.
Душа святая, на тебя лишь я молилась.
Какие волны звали в даль — не уплыла!

На берегу стоим — сомнения в нас плещут.
Была любимой... Как больно, только тронь!
Полжизни пройдено — мне больно так и страшно.
Как только вспомнится, так душу жжет огонь.

НАЗА ХОДИТ ПО САДУ

Солнце село, а Наза
ходит все еще по саду,
воду носит и поет;
«Мне полить цветочки надо.

Пусть растут они! Для пчел
будет радости немало.
Все я сделаю сама,
чтобы мама отдыхала».

На веселые цветы
льются ласковые струи
так, что кажется — они
кверху тянутся, танцуют.

ВЕНОК

Срывает за цветком цветок Гульназ,
красивый вьет из них веночек Гульназ.
И маме свой веночек она покажет
и ей отдаст.
«Спасибо», — мама скажет.

«Спасибо, дочка», — ласково ответит,
погладит по головке и приветит.
Срывает за цветком цветок Гульназ,
красивый вьет из них веночек Гульназ.

МЕНЯ ПОЙМАЛА РЫБА

Я над речкой с удочкой сижу,
дергаю, забрасываю снова
и за ней внимательно слежу,
чтоб не прозевать начало клева.

Вдруг смотрю — клюет! От поплавка
по воде круги пошли. И все же
я терплю и не тяну пока,
знаю: хитроумна рыба тоже.

А теперь — пора тащить. А ну!
Не хватает сил, какая жалость!
Я с таким трудом ее тяну, —
видно, рыба крупная попалась.

Но рванулась вдруг она — и вот
бью руками в речке как попало.
Получилось все наоборот —
рыбина меня сама поймала.

СЛОВА МОЕЙ БАБУШКИ

Видишь, внучек? Вот калина.
У нее медовый цвет.
Только сладости такой же
у калины, жалко, нет.

Но пирог калиной этой
для тебя я начиню
и его поставлю в печку,
ближе к жаркому огню.

Коркой мягкой и румяной
он покроется — и вот
станет сладкою калина,
сладкой станет, словно мед.